

БАЗОВЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ И ВОЗМОЖНЫЕ СЦЕНАРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

К.К. ШЕБЕКО, С.В. КСЕНЗОВ, В.Э. КСЕНЗОВА

*Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь*

ВВЕДЕНИЕ

Для Республики Беларусь вопросы изменения институциональной среды являются одними из самых актуальных, так как от адекватности вектора развития и трансформации всей системы институтов зависит то место, которое страна займет в мирохозяйственной системе. Сложный период трансформации институциональной среды, связанный с внедрением институтов рынка в социально-экономические системы бывших социалистических стран, вызывает настоятельную необходимость фундаментального анализа механизмов, направлений и инструментария таких трансформаций. Поэтому в последнее время происходит активизация интереса к проблемам теории и методологии институциональных изменений, как в целом, так и применительно к отдельным странами и регионам.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В институциональной теории принято выделять революционную и эволюционную форму трансформации институциональной среды определенного сообщества (как правило, в рамках конкретных государств, хотя и не всегда в рамках конкретных государственных границ). Английский историк и социолог А.Дж. Тойнби, рассматривая процесс становления и развития цивилизаций, отмечает: «... обращаясь к 775 г., мы обнаруживаем, что количество и основные черты обществ на карте мира не претерпели с течением веков особых изменений. В сущности, мировая карта остается неизменной со времени возникновения западного общества. В борьбе за существование Запад стал доминировать в экономическом и политическом планах, но он не смог полностью обезоружить соперников, лишив их исконно присущей им культуры. В духовном поединке последнее слово еще не сказано». [1, с. 34]

Эта идея созвучна концепции X и Y-матриц, выдвинутой российским социологом С.Г. Кирдиной. Исходя из объективистской парадигмы социологического исследования, С.Г. Кирдина отмечает следующее: «...общество понимается как социальная макроструктура, существующая объективно и независимо от индивидов, как результат предшествующей деятельности людей, отделенный во времени от них самих. В определенных границах эта структура, образованная комплексом постоянно функционирующих социальных институтов, остается неизменной, несмотря на то, что ее внешние проявления постоянно меняются». [2] Революционные изменения институциональной структуры сформированного в рамках определенных государственных границ социума как раз и есть существенные модификации этих самых «внешних проявлений». Но модификации на основе прежней базовой матрицы.

На наш взгляд, все существующие институциональные концепции, затрагивающие в той или иной степени вопросы институциональных изменений, не выходят за определенные исторические рамки при анализе данных процессов. Условно мир (на пороге первого и второго тысячелетий от рождения Христова) разделился более-менее четко на Запад и Восток, что задало социальному развитию в планетарном масштабе определенный вектор – единство и противопоставление двух мироосознаний, мироощущений и мировосприятий.

Исторически процесс выделения двух базовых матриц шел через отбор цивилизационных образований, в ходе которого, просеиваясь (если использовать терминологию Тойнби) испытаниями типа «вызов-и-ответ», «уход-и-возврат» и др., выжили те цивилизации, которые адекватно сгруппировали экономические, политические и идеологические базовые институты. Кардинальная раз-

ница двух миров заключается в различном осознании соподчиненности двух главных для человека сущностей – Я и Мы.

Пока что в человечестве сформировалось противопоставление двух миров, так как процесс осознания выбранного пути еще не завершен, что ярче всего проявляется в разнице идеологий. Поэтому анализ институциональных трансформаций не может быть объективно ничем другим, как анализом изменений «внешних проявлений», происходящих в рамках заданного идеологического вектора. Отсюда споры о степени возможности трансплантации и импорта институтов из одной базовой матрицы в другую, теории конвергенции и т.п. Во всяком случае, уже сформировалось понимание кардинальной противоположности двух миров в сознании людей и, более того, понимание (или скорее ощущение) того, что эти миры не противоположны, а представляют собой сложное единство в начале его становления как познанной (и признанной) сущности человечества.

Как показывает анализ литературы, посвященной проблемам институциональных изменений, еще не сформировалась четкая теория таких изменений. Это вполне объяснимо, т.к. изменения институциональной среды рассматриваются экономистами, подсознательно воспринимающими как объект для изучения базовую матрицу именно своего социума.

Базовой концепцией институциональных изменений в западной экономической науке является теория, объясняющая трансформации институтов фактором эффективности (Х. Демсец, Т. Андерсон, П. Хилл, Д. Норт) [3, 4]. Х. Демсец анализировал процесс возникновения частной собственности среди индейцев в восточной части Канады. Т. Андерсон и П. Хилл с помощью этого подхода показали эволюцию прав на землю, воду и скот у индейцев, проживавших на Великих равнинах Северной Америки. Д. Норт назвал первой экономической революцией (неолитической) переход от охоты и собирательства к оседлому земледелию. «Первая экономическая революция была революцией не потому, что она перевела основную экономическую деятельность людей из сферы охоты и собирательства в сферу оседлого земледелия. Она была революцией потому, что этот переход обусловил фундаментальное изменение человеческих стимулов. Это изменение стимулов явилось следствием различий в правах собственности, присущих упомянутым двум системам. Это те изменения в стимулах, которые объясняют быстрый прогресс человечества в последние десять тысяч лет в противоположность его медленному развитию в течение сотен тысяч лет как сообщества собирателей и охотников». [5]

Подход Д. Норты и других сторонников концепции обусловленности эволюции институтов фактором эффективности Т. Эггертссон назвал «наивным». [6] Он считает, что в рамках этого подхода игнорируются политические факторы, факторы перераспределения богатства. Критики «наивного» подхода, однако, не учитывают, что активная роль государства в институциональных изменениях наблюдается только в последнее столетие, а тысячелетиями государство пассивно наблюдало за возникающими снизу институтами.

В Европе наиболее известна школа новой институциональной теории Э. Фуруботна и Р. Рихтера. Дополняя и развивая идеи американских институционалистов, они пришли к интересным выводам: «... в социальном планировании полная и совершенная рациональность невозможна вследствие трансакционных издержек и неизбежного недостатка знания того, что принесет будущее. Институциональные устройства будут по необходимости неполны, и поэтому их с самого начала нужно планировать как неполные. Можно кратко напомнить о других факторах, влияющих на развитие институтов. На социальные процессы воздействуют агентские отношения, что ставит ряд специальных проблем, связанных с информационной асимметрией. Неизбежно имеет место сильная взаимосвязь между экономической и политической деятельностью. И, наконец, мы знаем, что для успеха или провала институционального изменения имеет значение история и что существуют границы институциональной инженерии. Зависимость институционального изменения от траектории предшествующего развития, идеологической установки, а также факт эмоциональной predispositionности людей всегда необходимо принимать в расчет (выделено нами)». [7] Авторы на первое место в факторах институциональных изменений поставили трансакционные издержки, и лишь затем отметили значение политических, исторических, идеологических и иных факторов.

«Распределительная теория» институциональных изменений принадлежит перу Г. Лайбкепа. С его точки зрения, отношение отдельных экономических агентов к предлагаемой институциональной инновации определяется чистыми выгодами, достаемыми им от осуществления последней. Возникающий конфликт интересов находит свое отражение в процессе ведения переговоров и заключения сделок. «Ядро проблемы осуществления этих сделок заключается в придумывании по-

литически приемлемых распределительных механизмов для указания получателей выгод от институциональных изменений в течение того времени, пока сохраняются их производственные преимущества». [8] Таким образом, Лайбкеп предлагает анализировать институциональные изменения в зависимости от предшествующей истории развития, сложившегося соотношения выгод и издержек, а также сложившихся правил распределения выгод и убытков.

Данные концепции анализируют факторы и логику институциональных изменений базовой Y-матрицы. Т.е. матрицы, расставившей акценты между Я и Мы в пользу Я. Логика исторического развития в понимании западных экономистов – это создание мира, максимально способствующего самореализации личности через подчинение общественных интересов личным, причем во всех сферах человеческой жизнедеятельности. В это миропонимание имманентно вписывается (и одновременно создает это миропонимание) идеология католицизма и протестантизма, ускорение научно-технического прогресса с его обязательным применением в процессе создания материальных ценностей, система парламентаризма и ограниченности верховной власти.

Такая расстановка акцентов между личностными и общественными (коллективными) интересами объективно упирается в решение проблемы выбора средств в реальной человеческой практике, с помощью которых подтверждается такая соподчиненность Я и Мы. В силу того что в рамках исследуемого исторического отрезка людям (в их большинстве) доступны (именно как средство самоутверждения и выделения из общности) в большей степени те личные возможности, которые базируются, во-первых, на использовании предметов материального мира, а во-вторых, связаны с физическими возможностями самих людей, то главное место в базовой матрице занимают институты, способствующие росту материального благополучия отдельной личности. Все базовые институты объективно направлены на интенсификацию действия материальных стимулов. Именно поэтому вопросы институционального развития западного общества, как это показано выше, изучаются в контексте вопросов усиления эффективности экономической деятельности через адекватные трансформации институтов.

В российской и белорусской экономической науке пока что еще не созданы цельные логичные теории институциональных изменений стран, базовые институты которых соответствуют X-матрице, т.е. предполагают решение дилеммы Я или Мы в пользу Мы.

Теоретические закономерности институциональных изменений рассматриваются в монографиях С.Ю. Солодовникова, А.Н. Нестеренко, Е.В. Попова, Г.Б. Клейнера, А.Д. Некипелова. Следует отметить учебники А.Е. Шаститко и В.Л. Тамбовцева. [9, 10, 11, 12, 13, 14] Защищены диссертации по проблемам эволюции институциональной среды Е.Б. Дориной, Г.В. Перепелица, А.П. Табурчак, Р.Ф. Пустовойта, И.Е. Иляковой. [15, 16, 17, 18]

Из работ белорусских ученых следует выделить труды С.Ю. Солодовникова, который написал серию статей и книг, посвященных эволюции социально-экономических систем Беларуси и России. В монографии «Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис» (Минск, 2006) автор показал взаимообусловленность цивилизации, культуры, экономической системы общества и институциональных матриц; раскрыл эндогенные и экзогенные социально-экономические факторы, обуславливающие эволюцию социально-классовой структуры общества. С.Ю. Солодовников предпринял попытку проследить генезис социально-классовой структуры современного белорусского общества, но, в связи со сложностью задачи, ограничился анализом этого явления за последние 100 лет.

В целом можно отметить, что в работах российских и белорусских экономистов чувствуется влияние западных институциональных концепций, концентрирующихся вокруг проблем влияния институциональных изменений на материальную (экономическую) составляющую человеческой жизни. Отсюда большой интерес к проблемам импорта (или даже трансплантации) базовых институтов (и в первую очередь институтов рынка, понимаемого широко, в идеологическом контексте) западной матрицы в совершенно противоположную матрицу общества, иначе расставившего принципиальные для мироосознания (или точнее – осознания значимости и места Я в этом мире) акценты.

Практически все исследователи сходятся во мнении о том, что импорт базовых институтов происходит с большими сложностями, противоречиво, трудно, медленно приспособляясь к местной институциональной среде (либо приспособляясь к себе данную среду). Параллельно происходят процессы трансформации собственно институциональной среды под воздействием эндогенных факторов. Мы полагаем, что таким важнейшим эндогенным фактором, инициирующим ин-

ституциональные изменения безотносительно к типу базовой матрицы, являются трансакционные издержки функционирования институтов. Причем трансакционные издержки в данном контексте понимаются широко как социальные издержки разного уровня, связанные с созданием, функционированием институтов, а также с борьбой этих институтов между собой в период накопления энтропийных изменений за закрепление в институциональной матрице. Собственно, вся история институциональных изменений после оформления X и Y матриц – это история эволюционной борьбы за выживание адекватных этим матрицам систем институтов. Поэтому в рамках современных институциональных концепций теория трансакционных издержек занимает одно из главных мест.

Мы полагаем, что, помимо цивилизационных базовых X и Y матриц, можно вычлениить и устойчивые матрицы малых этнических социумов, которые мы бы назвали малыми базовыми матрицами. Они определяют фундаментальные основы жизнедеятельности тех социумов, которые по своим масштабам (как географическим, так и этническим) значительно меньше цивилизационных образований, однако не совпадают с этими цивилизационными образованиями, а находятся с ними в определенных соотношениях. При этом малые базовые матрицы устойчивы и не «растворяются» в цивилизационной матрице. По характеру соотношения можно выделить малые базовые матрицы, которые: находятся внутри адекватной цивилизационной матрицы; находятся на границе двух противоположных цивилизационных матриц; находятся внутри противоположной цивилизационной матрицы; находятся на границе двух родственных цивилизационных матриц.

Республика Беларусь, малая базовая матрица которой сформировалась в VIII-XIII вв., расположена на границе двух противоположных цивилизационных матриц – Западной и Восточнославянской, или Восточноправославной. При этом Восточнославянская матрица является для Беларуси родственной, а Западная – противоположной. Это накладывает отпечаток на специфику внедрения в белорусскую матрицу комплементарных институтов из двух соседних цивилизационных матриц, что, в свою очередь, оказывает влияние на специфику возможных сценариев институциональных изменений. Условно основные сценарии можно представить в следующей таблице.

Таблица – Сценарии институциональных изменений малой базовой матрицы РБ

Сценарий	Условия реализации	Вероятность реализации
1	2	3
1. «Прозападный сценарий» (замена базовых институтов малой матрицы в сторону ее конгруэнтности Y-матрице)	1. Фундаментальное изменение формальных правил (институтов) в политической и экономической сферах жизнедеятельности социума на конституционном уровне.	Низкая, поскольку данный сценарий предполагает разрушение малой базовой матрицы, что, как было отмечено выше, возможно только с гибелью соответствующего этноса.
	2. Кардинальные преобразования в идеологической сфере (и более широко – в культуре народа), способные переориентировать миропонимание, т.е. все ценностные установки, на первенство личного начала над коллективным (общественным).	
	3. Внедрение всех базовых институтов Y-матрицы в малую белорусскую матрицу не как комплементарных, а как основополагающих.	

Продолжение таблицы – Сценарии институциональных изменений малой базовой матрицы РБ

2. Поглощение малой базовой матрицы родственной цивилизационной матрицей	1. Унификация формальных политических правил и в перспективе – «растворение» политических институтов малой базовой матрицы в цивилизационной матрице	Невысокая, так как ориентирована фактически на разрушение малой базовой матрицы и «растворение» белорусского этноса в российском. Сам факт наличия устойчивой малой матрицы свидетельствует о том, что ценностные установки общества обращены на сохранение его целостности и автономии, а не на ассимиляцию
	2. Создание общего экономического пространства со всеми его атрибутами.	
	3. Активное внедрение формальных и неформальных норм организации культурной сферы жизнедеятельности, ориентированных на ценностные установки российского менталитета как менталитета «народа-покровителя».	
3. Импорт и эффективная трансплантация непротиворечивых конгруэнтных институтов (как базовых, так и переменных) из двух цивилизационных матриц и их внедрение в качестве комплементарных на первоначальном этапе.	1. Выбор тех формальных правил и норм поведения, которые не разрушают базовые институты политической сферы малой матрицы, а эффективно их дополняют. Сохранение своей государственности и целостности как этноса.	1) Высокая, если все условия реализуются одновременно; 2) Низкая, если хотя бы одно из этих условий не соблюдается.
	2. Адекватность импортируемых и трансплантируемых формальных институтов неформальным правилам в сфере культуры и идеологии.	
	3. Активное развитие и внедрение в экономическую сферу рыночных институтов как комплементарных с последующей их трансплантацией в базовую матрицу как фундаментальных	

Сложность реализации даже наиболее приемлемого сценария институциональных изменений связана, как уже было отмечено выше, с величиной соответствующих транзакционных издержек. Как мы полагаем, в случае третьего сценария эти издержки будут оптимизированы, так как отбор эффективных конгруэнтных комплементарных институтов будет осуществляться не через их активную агрессивную борьбу за вытеснение одних институтов другими, а через согласованность и взаимодействие.

ВЫВОДЫ

Таким образом, институциональные изменения в современных социумах представляют собой различные трансформации формальных и неформальных институтов на базе неизменных матриц, которые мы назвали бы цивилизационными. Эти базовые матрицы сформировались в период выделения Западной цивилизации как альтернативы социуму, выработавшему и закрепившему в сознании людей программу выживания, ориентированную на подчиненность личного мироощущения коллективному. Именно в эту эпоху и начинается собственно прогресс человечества как противоречивого единства физического, социального и духовного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби; пер. с англ. / Сост. А.П. Огурцов; вступ. ст. В.И. Уколовой; закл. ст. Е.Б. Рашковского – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
2. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России / С.Г. Кирдина. – Новосибирск: ИЭ и ОППСО РАН, 2001.

3. Demsetz, H. Toward a Theory of Property Rights / H. Demsetz // American Economic Review. 1967. № 57. P. 347-359; Anderson, T.L. and Hill, P.J. The Evolution of Property Rights: A Study of the American West// Journal of Law and Economics. 1975. Vol. 18. № 1. P. 163-179.
4. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики/ Д. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
5. North, D. and Thomas R. The First Economic Revolution / D. North // Economic History Review. 1977. – Vol. 30. – № 2. – P.240 – 241.
6. Эггертссон, Т. Экономическое поведение и институты/ Т. Эггертссон. – М.: Дело, 2001. – 213с.
7. Фуруботн, Э.Г. Институты и экономическая теория: Достижения новой институциональной экономической теории/ Э.Г. Фуруботн, Р. Рихтер. – СПб.: Издат. Дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2005. – С. 40 – 41.
8. Libecap, G. Contracting for Property Rights, Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – p. 5.
9. Солодовников, С.Ю. Институциональные матрицы: сущность, персонификация и ее генезис (политико-экономические очерки) / С.Ю. Солодовников. – Минск: Право и экономика, 2006.
10. Никитенко, П.Г. Социально-экономические системы Беларуси и России: эволюция и перспективы / П.Г. Никитенко, С.Ю. Солодовников. – Минск: Беларус. наука, 2008.
11. Нестеренко, А.Н. Экономика и институциональная теория / А.Н. Нестеренко. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
12. Попов, Е.В. Эволюция институтов микроэкономики/ Е.В. Попов. – М.: Наука, 2007.
13. Клейнер, Г.Б. Эволюция институциональных систем / Г.Б. Клейнер. – М.: Наука, 2004.
14. Некипелов, А.Д. Становление и функционирование экономических институтов: от «робинзонады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве / А.Д. Некипелов. – М.: Экономика, 2006.
15. Дорина, Е.Б. Формирование институциональной структуры белорусской экономики в условиях трансформации/ Е.Б. Дорина. – Минск, 2007.
16. Перепелица, Г.В. Формирование институциональной среды в российской экономике / Г.В. Перепелица. – Казань, 2006.
17. Табурчак, А.П. Институциональная среда и эффективность связующих процессов корпоративных структур в промышленности / А.П. Табурчак. – Белгород, 2007.
18. Пустовийт, Р.Ф. Формування інституційного середовища підприємництва в трансформаційній економіці / Р.Ф. Пустовийт. – Киев, 2006.

THE CORE INSTITUTIONAL MATRIXES AND THE INSTITUTIONAL CHANGES POSSIBLE SCENARIOS

K. SHEBEKO, S. KSENZOV, V. KSENZOVA

Summary

The actual problems of the institutional changes are considered. The authors give the analysis of the western and domestic institutional conceptions devoted to the nature of the institutional changes. Attention is carried to the concept of the adequate institutional changes for the countries with the H-matrix. Authors is offer possible scenarios of the environment transformation (on an example of Belarus).

© Шебеко К.К., Ксензов С.В., Ксензова В.Э.

Поступила в редакцию 15 февраля 2010г.